

84(2Рос-Рус)6
А55
1288760



Александр Алшутков



**Последние слоны
Ганнибалла**

Государственной
Библиотеке Республики
Кали
в дар
от жены Александра
Алшутова.

25.04.2006г.



84(2 Рос-Рус)

A55

84
Александр Алшутов

12888760
ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

Последние слоны
Ганнибала

Пожертвования
Национальной библиотеке РК

Творческое объединение «Акварели»
Санкт-Петербург—1997.

2015

БД

Литературно-художественное издание.
Последние слоны Ганнибала: Стихи.—
С.-Петербург, «Акварели», 1997. —32 с.



Последние слоны

Ганнибала

В поэтическом сборнике «Последние слоны Ганнибала» представлены стихи известного русского поэта Александра Алшутова, написанные им в разные годы.

Составление автора.

© ТО «Акварели»
© А. Я. Алшутов.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОНЫ ГАННИБАЛА

Нас предавшая родина гонит.

Было много нас—

стало мало.

Пали все благородные кони—

Мы—последние слоны Ганнибала!

Его дом в Карфагене разрушен.

Не врагами—руками сограждан.

И вокруг развалин, снаружи
они кражу свершают за кражей.

Далеко обреченный наш город.

Мы воюем давно на чужбине.

Будет тоже разрушен он скоро.

Но пока что сильны наши бивни!

И пока что дрожат перед нами
легионы упрямых римлян.

И вздыхает земля неродная
в нашей поступи тяжком ритме.

За чужих нам царей сражаясь,
в каждой битве мы погибаем.

Но, унынием заражаясь,
мы колени не подгибаем.

Предводитель наш непреклонный
сам сведет свои счета с жизнью.

А пока—

Он ведет колонны,

не суля нам победы лживо.

Он давно все решил... продумал...

Но то время еще не настало.

Ветры смерти его продули
на дороге сражений алых.
Его время еще не настало!
Было много нас—стало мало.
На дороге сражений алых
мы—последние слоны Ганнибала.

1994-1996 гг.

* * *

Как все-таки трудно быть
Цезарем,
не теряя живого лица.
Надо шкалу всех ценностей
перетрясти до конца.
И выбрать из них такие,
без которых тебе нельзя.
Пусть выбирают другие
враги твои или друзья.
А ты—из уже отобранных
от большинства откажись.
Сенатом они одобрены?
Без них обойдись!—скажи.
И не страшись одиночества
в пустынях или в толпе,
как страшится имени-отчества
своего переросток-плебей.
Будь для других доступен,
хоть этих других умней.
Но правды с лестью не спутай!
И в нужный момент сумей,
не было как бы жалко
свою дорогую жизнь,
встать под удары кинжалов,
себе приказав:—Держись!

13 июля 1996 г.

ЧИТАЯ ИОСИФА ФЛАВИЯ

С тех пор прошло почти две тысячи
по меньшей мере лет из тех,
что убеждают нас: отыщутся
в огне любых библиотек
все книги, манускрипты, рукописи,
которые,

нет! не горят,
а вопреки всей громкой глупости
так интересно говорят.

О чем он думал, давний автор,
вперясь в таблицу или лист?

Навряд ли о далеком завтра.

Он, как сегодня журналист,
раскручивая гранок свитки

и от событий не остыв,
до нас донес, с чем сам не свыкся,

конкретно, языком простым,—
участник, а не очевидец,

рисковый, страстный человек;
весь переполненный обидой

и горьким счастьем через верх.
Не только словом, а руками

он сам историю творил
О, как друзья его ругали!

Как гордый враг его хвалил...
И, только сам себе подсуден,

и, собственную жизнь любя,
докапывался он до сути

не для тебя, а для себя.

Друзьями делались враги.

Звеня цепями, шли в рабы
зелоты, шлюхи и крестьянки.

Друзьями делались враги.

Он с ними пировал на равных,

путь императорам торил,

авансом наплевав заране

на все сомнения твои.

Да, семисвечник изувечен

и осквернен святой алтарь.

А он—ревнитель истин вечных—

с придворными, шутя, болтал.

И, талес перешив на тогу,

на гладиаторских боях

единому молился Богу,

воздав языческим богам

за то, что он—почти патриций

и равноправный гражданин.

Три раза он успел жениться,

и римлянином вырос сын.

Под звук азартный гипподрома,

квадригой правя, как судьбой,

в столице Мира он, как дома,

всегда там был самым собой.

Конечно, он скорбел по Храму.

Но ведь не он разрушил Храм!

А памятников госохрана,

увы, не крепче всех охран.

Коль живется в декабре 1993 г

Натощах—я учба—7—

ЧИТАЯ НОСИ РА...
С тех пор...
* * *

Луций Сергей Катилина,
молодой поэт Катулл
шли по Риму так картинно
без возвышенных котурн.
Это позже, при Нероне
на котурны встал певец.
Мол, поэт—другим не ровня.
Он—творения венец!
В электронный век культуры
уравнивали всех кругом:
становится на котурны—
как признаться дураком.

* * *

Андрею Каневу

Нет, не надо быть первыми—
надо—неповторимыми.
Чтобы не было прервано
все, что честно творим мы.
Каждый сам себе должен
создавать свое имя.
Только Бог подытожит,
что кому подарил он.
И не верьте, пожалуйста,
похвалам самым лестным:
Не ропщите, не жалуйтесь,
что, мол, зря неизвестны
бесконечному кругу
восхищенных читателей.
Будьте дороги другу
и в словах обязательны.
Слов случайных не терпит
поэта язык.
Не запутайтесь в дебрях,
не освоив азы.
Чтоб стихи твои были
абсолютно твоими,
«Не пришей хвост кобыле»,
чтобы не сотворили.
А учиться—не стыдно
никогда у любого.
Коль живется не сытно,
Натошак—и учеба.

И Пушкин был не выездным поэтом
(ОВИР тогдашний визы не давал),
хоть Александр Сергеевич при этом
себя за эфиопа выдавал.
И занесенный снегом африканско-
российский Гений молча опочил:
не насладившись ветром дальних странствий,
оставив нам надолго свой почин.
Поэтому, когда грызут сомненья:
Кому я нужен здесь, такой-сякой?
Без жалких слов и тени самомнения
я думаю с улыбочивой тоской:
Конечно, жаль, что не был я в Париже,
что вечный город Рим не посетил.
И мир невиданный становится мне ближе,
как будто всех на свете я простил.

1995 г.

Какая, спросит * * * * *
Снежок заносит в белый стих
околыш.
Москва теряет лепестки
окошек.
Поземкой бьется о панель
в падучей...
О, понимаю вас вполне,
поручик.
Какая шалость? — Жалость, граф!
Простимся.
Любая крупная игра
простится
за пистолет в пяти шагах —
навылет!
Чтобы к подошве Машука,
как вылитый...
Как дождь. Как с Неба —
тем дождем. Как Демон!..
Судья нас ждет,
Судьба не ждет.
Не вскрикнет:
Где он?!

1965

* * * * *
Прилег к подножью Машука.
Брежет в кармане тикал.
Звук эха долго не стихал,
пока он кровью истекал.
Ну, а потом — все стихло...

1996 г

ПО ПОВОДУ

Вы видели кинокартину
«Наполеон и Жозефина»?
Вернее—телесериал...
А я, смотря, переживал.
Герой. Злодей. Мыслитель. Гений...
Да, что там!—Сам Наполеон—
Кумир мальчишских сновидений;
он был так искренне влюблен!
И, не стесняясь слез и писем,
в которых ревность, гордость, боль...
Сквозь Альп заснеженные выси,
сквозь ад боев
в них был собой.
Нет не позер, как у Толстого,
Не монстр, не статуя—живой;
в плену страдания простого,
последний проигравши бой,
он находил в себе отвагу
излиться реками чернил
на сокровенную бумагу.
Да он—великий лирик был.
В нем жил поэт, себя не спевший
осуществившийся в делах.
Когда он через Веймар спешно
катил,
дорога привела
его не зря к порогу Гете,
которого не смог застать.

Какая, спросите, охота,
пропахши гаревом застав
Москвы завьюженно-соженной,
ломиться в Иоганов дом?
Я думаю: все дело в том,
что за собой в поход Московский
он «Вертера» с собой возил.
И в отступленья диком скотстве,
Поверите ль? хватало сил
ему, храня роман бесценный,
читать тогдатошний бестселлер.

* * *

Когда он был еще во власти сна
и лепетал спросонья полуправду,
подробности ее
подобно брату,
передавали так ее черты,
как зеркало наверх с морского дна;
как передаст роман их или повесть.
И возникал из них он смутно. То есть, и
что был он—ты,
а вместе—и не ты.

1992 г

АКВАРЕЛЬ

Сергею Добрякову

Какое яблоко прекрасное!
Зеленожелтобелокрасное.
Чуть отливаает голубым...
И тронута росистой дымкой.
Оно—как вспышка фотоснимка,
Слилось с мгновением немым,
Застыв невысказанной грустью,
чтоб вкусно кисло-сладко хрустнуть!
Живых чудес не ценим мы...

декабрь 1993 г

Пришел вчера один ко мне
и завопил:—Трансваль в огне!
Горит Нагорный Карабах,
Бои в Нагорном Бадахшане...
...вся Югославия в гробах,
и сербов режут мусульмане.
Хорваты лупят мусульман,
А сербы под шумок хорватов...
Как трагик, руки он ломал
и громко вопрошал:—Когда ты
такое мог вообразить
во времена Великой Дружбы?
С кого за это все спросить?
Кто наш святой Союз разрушил?!

И где карающий солдат
Варшавопактских Красных Армий..?
Кто виноват? Кто виноват?!
Я отвечал:—Пассионарность.

декабрь 1993 г

* * *

Когда ты приграл войну,
не надо плакать,
А плачь—так про себя,
вовнутрь,
как тонут флаги
в бою сраженных кораблей,
скрывая в море
надежд убитых колыбель.
Еще посмотрим,
как просмоленная бутылка
с письмом и картой
по горло из твоей беды
зажжет азартом
того, кто выловит ее
в шипящей пене
и, раскупорив, вдруг поймет!
Ты не был пленным
Той старой карты,
Что она еще
не бита!
Познав стократно,
что война
тем не испита,
кому миллионом машет рук

толпа в триумфе..

И ступит вновь

на твой маршрут.

А ты?

Ты—умер.

март 1992 г

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Маю Митуричу

К Слову глухим внагрузку

и трудным он был неспроста.

Хлебом Словесности Русской

в имени он проростал.

И с ликом по-ангельски юным

с жизнью свел счеты свои.

28-го июня

кончают петь соловьи.

1995 г

* * *

На перепутье двух дорог

внимательный и строгий,

не жди напутственных даров.

Найди свою дорогу!

Найди.

Вперед по ней иди,

стремясь в пути достигнуть

того, что скрыто впереди

и до рожденья стихло.

1996 г

—16—

ПОДРАЖАНИЕ ГУМИЛЕВУ

Моему старинному другу замечательному ученому-африканисту
Апполону Давидсону, основателю
и руководителю Российского Историико-культурного Российско-Африканского Центра при Кейптаунском университете

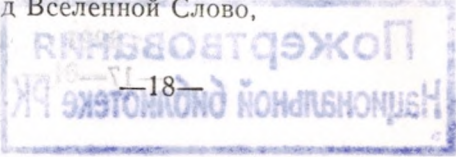
Атананариу... Тенарифу...
Как люблю я африканский звук.
Пьяный океан дымит у рифов.
Я в ладонях ощущаю зуд,
глядя бесконечный круг штурвала.
Нету больше окрика «Нельзя!»
Держим курс туда, где не бывал я,
без желанья повернуть назад.
Ждет отважных львиная охота.
Ждет усталых голубой покой.
Сколько суток нам осталось хода,
чтобы навсегда прийти домой?!
Кто ответит мне:—Когда я встречу
мать родную, старого отца?..
Бог внимает сверху:—Не отвечу.
Пей исканий чашу до конца!

октябрь 1996 г

12 98 760

Пожертвования
—17—
Национальной библиотеке РК

Как берется поэт за работу?
 Не затем, чтоб обед заработать.
 Просто кровью гудит в ушах
 явившийся гул ритмичный,
 И на волю рвется душа,
 бытием твоим ограниченная,
 И границы к черту летят,
 как перед вирусным гриппом.
 И самый ленивый лентяй
 карандаш или просто грифель
 нервно шарит спешащей рукой,
 и со звоном летящие волны
 набегают одна за другой,
 и до боли их надо заполнить
 тем, что давит на сердце внутри,
 Как свернувшаяся пружина.
 И тогда ты, как Бог, смотри,
 что есть истина а что лживо?
 И тогда возникают слова,
 как прозревшие птицы ловчие,
 И, движение звука слова,
 за ним устремляются ловкие.
 С них слепящие снял клобуки
 их хозяин—сокольниковый опытный.
 Как слетели с его руки,
 овацией крыльев хлопая!
 И парит над Вселенной Слово,



как Бог-Сын и Бог-Дух Святой.
И ты запросто можешь снова
босым пройти над водой,
не касаясь ее стопами,
даже ногтя не замочив,
И тогда,—Понимаете сами?!
Осознав себя, замолчи.

Май 1996 г

* * *

Я хочу гусей веселых,
крутогрудых,
с громким хохотом до неба:
Га-га-га!

С влажно-флажной радугой
над прудом,
до которого от дома—два шага.
А еще хочу зеленую купальню
с жарким самоваром на столе,
и мотив рояля дачно-бальный
за окном, распахнутым зеркально,
протянувшийся из детства
на сто лет.

Но и этого всего еще мне мало!
Старый дом
над трепетной водой?..
Видеть в нем хочу живую маму.
Улыбающейся... Молодой...

Чтобы смог позвать ее:

—Мне плохо!

И слабеющей рукою отпустить
наклонившийся к моей подушке

локон

...Господи! За все меня прости...

1995 г

* * *

**Ефиму Бершину и его очаровательным
жене и сыну**

Я вернусь к вам каким-нибудь
камнем

Или маленьким, хрупким цветком.

Нелегко будет

вспомнить тогда мне,
как я близко был с вами знаком.

Прорасту возле сельской дороги
под бемеканье всяких козлов.

И молчанье мне станет дороже
самых громких

произительных слов.

Но от ястреба мышь полевую
вновь укрою, ей жизнь сохраняю,
похмелившись дождем после бури.

Минерал... Бесплезный сорняк...

1995 г

* * *

Березняк не может быть
дремучим:
дремоте мешает
собственный свет.

Может быть он густым,
Может быть—могучим...
А дремучим—нет!

Максаковка, 1996 г

* * *

Помнишь стихи у Назыма
Хикмета

про то, как он прикурил
сигарету?

Как ему полегчало сразу,
хоть он и не затянулся ни
разу

над неисписанным белым
листом.

Сама догорела вся сигарета
и превратилась в пепел потом
перед застывшим в молчанье

Хикметом

О чем стихи? Конечно о том,
что был Хикмет

настоящим

ПОЭТОМ.

июль 1996 г

«...я все равно паду на той,
на той единственной гражданской...»

(Булат Окуджава)

Сорок дней... И четыре страницы
на машинке отстуканных строк?
Что же может с подобным сравниться?!
Кто к газетным объемам так строг?
Ну, скажите, кому же так жалко
места, чтобы я смог рассказать,
кем для нас был Булат Окуджава,
по которому мокла роса
слез прощальных у вас на ресницах
под московским дождем проливным?
А у тех, кто не смог с ним проститься?!
Кто в Тот День далеко был, не с Ним
Воин, Рыцарь и хрупкий Кузнечик
чисто певший в стальной мураве.
Человечесче! И человечек—
всем Москвы муравьям—Муравей!
Добрый Ангел Страны и Арбата
добротой век жестокий отпел.
Так скорбел я по маме, по брату,
если б был, я бы так же скорбел.
Вместе с теми, кто в этой жизни
был дороже мне всех других,
так как в чувствах не были лживы,
заклучая свои труды

в переплете стихов и прозы:
Что такое «попасть в переплет»,
понимает лишь тот, кто бронзу
в себе Пушкинскую несет.
Опекушинскую и Пушкинскую,
из копеек Народа отлитою;
в переплете Козихинских, Южинских...
не одобренную главлитами.
В переплете Тверских и Бронных,
Патриарших, Трехпрудных, Тишинских...
Всех Ямских, завсегда неровных...
Бронзу, а не железо дзержинских.
Вот прекрасней Печоринской Бэлы,
для меня никогда не стара;
Как, светясь изнутри, она пела!
И, вступая в простуду пела...—
мой учитель в стихах и сестра.
Увлекательный. Грустно-веселый,
потому что в нем юмор и боль,
Хлебосольный Василий Аксенов—
Прозы Шестидесятых Любовь.
Вот, кто в дикой мотогонке
вертикальной по стене
самый быстрый, самый звонкий
руку друга подал мне.
Как с коня при скачке руку
подает в седле джигит...
Сквозь свистки, хулу и ругань
я кричу ему:—Дожги
наше время бенгальское громкое»,

оглушительное от громкости.
над землей непробудно-скромною
поперхнувшейся лживой скромностью.
Не вставая на котурны
я кричу ему теперь:
—Я люблю тебя, как друга,
не терпя, как встарь, халтуру,
ты по-прежнему мне верь.
Окуджава в «Тарусских страницах»
сам себе пожелал: —Будь здоров!
Как я плакал, когда за границей
он ложился под нож докторов!..
В «Путешествии дилетантов»
с Ним катя по просторам стрны,
на «Свидание с Бонапартом»
вместе с ним мы спешили сквозь сны.
Оставались самими собою
и с Судьбою шли на бой,
пригубив тот «Глоток Свободы»,
коим всех он нас напоил.
И, бредя сквозь венков мишурность,
ты Булата могилы держись!
В ней лежит по Апрелю Дежурный,
А в апреле рождается жизнь.

Максаковка 12 июля 1997 г

РЕЙНХОЛЬДУ СКИЛКЕ.

В краю традиционной русской ссылки,
где на крови народов рос ГУЛАГ,
служение несет апостол Скилка,
стальную волю сжав в стальной кулак.
В миру—картограф, во Христе—подвижник.
Бессонный пилигрим а не ханжа.
Он для того в войне жестокой выжил,
чтоб мир и свет цвел в душах прихожан.
Раскинулась семья их по планете
от тропиков до вечных холодов.
Вот почему спешит зимой и летом
миссионер над кромкой вечных льдов.
Люфт-Ганза, панамериканский боинг
несут его на крыльях над землей,
над радостью людской и острой болью,
над чьей-то мыслью витьевато-злой.
Храни тебя Господь, мой добрый пастырь,
мой старший брат и мой Христов отец!
Как член новоапостольского братства
я мысленно с тобой в скитаньях тех.
Среди чумазо-пальмовых Бразилий
и стынущих от холодов зырян
Молитвой к Богу доброй и всесильной
Маршрут свой бесконечный озаряй!

Максаковка 1996 г

Взять пистолет и в сердце выстрелить.

И лбом на на твердый стол упасть.

Как много все же надо выстрадать,

Чтоб в сердце в темноте попасть!

Ведь промахнуться между ребрами,

Как заблудиться в трех соснах...

Не осуждайте, будьте добрыми,

Себя живыми осознав.

Октябрь 1993 г.

Масляков 1993 г.

Александрю Ивановичу Лебедю
с бесконечной благодарностью за
мир, установленный в Бесарабии и
на Кавказе.

С красной строфы, *
Как с красной стропы
Укладывают парашют,
Спустившись с небес, восстав из травы,
Вам, Мой Генерал, пишу:
Когда вас ведут на луга Ватерлоо
Почетным гостем Европы,
Приёмник мой старый с помехами ловит
Госдумовский позорный ропот.
Пускай недоволен тупой идиот,
Пускай завистники врут.
Вы правы:—Власть никто не дает.
Достойные—власть берут!
Кричу вам с далекой моей территории,
Как школьник с «камчатки» траурных
парт:
Пора продажную Директорию
Гнать, молодой Бонапарт!
Во век вранья и лжи не приму,—
Уж, лучше мне застрелиться.
Пусть вам светит всю жизнь,
Как когда-то Ему,
Солнце вашего Аустерлица!

А я пока жив, и, когда умру,—
Рядом с вашей душой в каждой битве,—
Словом поэта прикован к перу.
«За Державу обидно!»

1996 г

* Именно «с красной строфы», а не с красной строки как бы полагалось по школярской грамоте, потому что каждая строфа этого стихотворения окрашена кровью мальчиков моего поколения, которое училось еще за траурно-черными партами, напоминающими по форме надгробья, так и не установленные на могилах в разных концах нашей Планеты.

СОДЕРЖАНИЕ

Последние слоны Ганши-Бада	1
Как все-таки грустно было бы в безрадостной	1
Читая Носифа Фадлувади и отсюда, от этой	1
Лудей Сергей Катальниа	1
Андрия Каневу	1
И Пушкин был великим поэтом... от	1
Снежок заносит белый снег и от	1
Домик мой становится утлым.	1
Принесу воды из колодца.	1
В темноте зимнего утра	1
Дрова звонко будут колотьяся.	1
Стихи редко ко мне приходят,	1
Написать бы успеть прозу!	1
Не балует здесь погода:	1
Сильно этой зимой морозит,	1
Захочу—растоплю печку.	1
Далеко мой родной город...	1
На том свете я вас встречу,	1
Потому что умру скоро.	1
Бережлив не максималист	1
Вспомнишь стихи у Н.	21
Сорак длей	27
Найхолоду Сидде	28
Взять листочек и застрелиться...	26
Александр Иванович Небедя	27
Домик мой становится утлым...	28
Наконтен где-то...	28

Октябрь 1993 г

А в пока жив, и, * * * * * ру,—
Рядом с вашей душой в каждой битве,—

Покоится где-то на месте
все то, что я сам перевез,
и Гоголя

«Страшную мезтью»

все, то

что в душе перенес

я молча

за черной баранкой,

которой кормился не год.

Зачем я вставал спозаранку?—

Пускай сам господь разберет!—

ласкать карандаш и бумагу

с утра...

а потом...

по ночам...

Чтоб вслух,

наизусть,

без помарок

вам эту вот книгу начать.

СОДЕРЖАНИЕ

Последние слоны Ганнибалы	3
Как все-таки трудно быть Цезарем	5.
Читая Иосифа Флавия	6
Луций Сергей Катилина	8
Андрею Каневу	9
И Пушкин был невыездным поэтом...	10
Снежок заносит вбелый стих околыш...	11
Прилег к подножью Машука...	11
По поводу	12
Когда он был еще во власти сна...	13
Акварель	14
Пришел вчера один ко мне...	14
Когда ты проиграл войну...	15
Владимир Хлебников	16
На перепутье двух дорог...	16
Подражание Гумилеву.	17
Как берется поэт за работу...	18
Я хочу гусей веселых...	19
Ефиму Бершину.	20
Березняк не может быть дремучим...	21
Помнишь стихи у Назыма Хикмета	21
Сорок дней...	22
Рейнхольду Скилке	25
Взять пистолет и застрелиться...	26.
Александр Ивановичу Лебедю	27
Домик мой становится утлым...	29
Покоится где-то...	30

3	Последние сны Евгения
4	Как все-таки труднее быть бездомным
5	Илья Носиф Флавий
6	Души Сергея Катаняна
7	Андрю Каневу
8	И Пушкин был невысказанным постом... от
9	Снежок заносит вольный снег, сквозит...
10	Привет и подожки Машука...
11	По поводу...
12	Когда он был еще в восточной Европе...
13	Александр... — Александрович Лавров и...
14	Принимая в расчет, что в мире...
15	Когда ты проводишь время в...
16	Владимир Хлебников
17	На первую книгу Лопот...
18	Подражание Пушкину...
19	Как берет пост за работу...
20	В хору всех веселых...
21	Ему неспешно...
22	Беззвук не может быть временем...
23	Помини стихи у Натальи Хвосты...

Сдано в набор 18. 10. 97. Подписано в
 печать 21. 11.97. Бум. газеты. Гарнитура
 литературная. Печать высокая Усл. печ. л. 1.
 Тираж 5000. Заказ 278. Ответственный
 за выпуск А. В. Крейль.

Александр Яковлевич Алшутов (Бейлин) — один из крупнейших русских поэтов Республики Коми, родился в Москве в 1935 г. Работал корреспондентом газет, на телевидении, в Коми книжном издательстве, библиотекарем, сам издавал газету. А. Алшутов печатался в журналах «Звезда», «Сельская молодежь», «Юность». Автор поэтических сборников «Север и Восток», (1982), «Затяжной прыжок» (1987), «Занесенные снегом» (1990). Живет и работает в Сыктывкаре.